
Полная ревизия
Наследство Агаты Вейн
Содержит нецензурную брань
18+

Клара Вейн
Полная ревизия

https://litres.ru/74713372
SelfPub; 2026

Аннотация

В прошлой жизни я потрошила теневые балансы корпораций и отправляла за решетку финансовых гениев. В этой — очнулась в теле молодой вдовы Агаты Вейн прямо посреди чтения завещания.

Наследство впечатляет: прогнивший столичный особняк, подвал, набитый смертельно опасными проклятыми артефактами, и сто тысяч золотых крон долга перед Тайной Канцелярией. Родственники покойного супруга уже протягивают мне отравленное перо, чтобы я подписала отказ от имущества, а за дверью звенят кандалами имперские ищейки.

Вот только они не учли двух вещей. Я вижу следы чужой магии лучше любого эксперта, а воров и лжецов чую по привкусу пепла на языке. И если старший дознаватель Маркус Крейн думает, что легко спишет меня со счетов — ему придется приготовиться к полной ревизии.

Содержание

Глава 1 4
Г 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Клара Вейн
Полная ревизия

Глава 1

Смерть пахла дешевыми восковыми свечами, сырой штукатуркой и бергамотом.

Я открыла глаза и первым делом уставилась на собственную левую руку. Вместо аккуратных часов в стальном корпусе запястье опоясывала угольно-черная вязь татуировки, похожая на колючую проволоку. Кожа под ней неприятно пульсировала, отдавая в пальцы тупым фантомным холодом. Чужие пальцы. Длинные, почти прозрачные, с идеальным миндалевидным маникюром, какие бывают у пианисток или бездельниц в третьем поколении.

— Дорогая, мы все понимаем твою скорбь, но чернила стынут, — прошелестел над ухом женский голос, приторный, как просроченный ликер. — Поставь подпись вот здесь, у нижней печати, и можешь возвращаться в спальню. Мэтр Варг сам уладит формальности с казначейством.

Во рту мгновенно стало сухо и горько, будто я разжевала горсть остывшей печной золы.

Я медленно подняла голову. В памяти с сухим треском смыкались две разные жизни: моя собственная — с беско-

нечными таблицами аудиторских проверок, запахом крепкого американо и холодным светом мониторов, и чужая — обрывочная, пропитанная страхом двадцатичетырехлетней Агаты Вейн, которую три года держали в этом мрачном особняке на правах красивой мебели. Похоже, сердце бедняжки не выдержало похорон супруга, а мое сознание заняло освободившуюся жилплощадь без договора аренды.

За массивным столом из мореного дуба сидели двое. Справа — грузная дама в траурном бархате с вуалью, едва прикрывающей хищный, припудренный нос. Леди Сесилия Вейн, тетка покойного Эдварда. Слева — сухопарый нотариус в потертом сюртуке с высоким воротником, чьи узкие пальцы нервно придерживали угол гербового пергамента.

— Формальности, — повторила я. Голос прозвучал непривычно низко, с легкой хрипотцой, но без единой дрожащей нотки, которой от меня явно ждали. — Надо же, какая трогательная забота о вдове, леди Сесилия.

Тетушка едва заметно дернула уголком губ, а на языке снова выступил едкий вкус пепла. Занятно. Каждое фальшивое слово в этой комнате имело вполне физический привкус.

Но еще интереснее было другое. Когда я перевела взгляд на протянутое нотариусом вороненое перо с серебряной насечкой, воздух вокруг него подернулся маслянистой рябью. От металлического острия к тяжелой сургучной печати на документе тянулась тонкая, пульсирующая багровая нить, похожая на воспаленный капилляр. Я не знала местных за-

клинаний, но память прежней Агаты услужливо подсказала термин: *кровный перехват*. Подпишешь такой бланк — и вместе с имуществом отдашь привязку к собственной жизненной силе.

— Агата, не задерживай господина Варга, у него сегодня еще три визита в Верхнем квартале, — в голосе Сесилии прорезался металл. Она подтолкнула чернильницу ближе ко мне. — Эдвард оставил после себя чудовищные долги. Сто тысяч золотых крон перед Тайной Канцелярией! Если ты сейчас же не подпишешь отказ от наследства в пользу старшей ветви рода, завтра утром тебя опишут вместе с канделябрами и отправят на рудники. Я спасаю твою репутацию!

Горечь во рту стала почти невыносимой. Я откинулась на высокую спинку резного кресла, сцепила пальцы в замок и внимательно посмотрела на документ, лежащий передо мной.

Буквы плыли лишь первую секунду, а затем привычка анализировать договоры взяла верх.

— Любопытная арифметика, мэтр Варг, — я лениво подцепила ногтем край плотного листа, даже не прикасаясь к проклятому перу, и развернула приложение с описью к себе. — Вы утверждаете, что пассивы покойного лорда Эдварда составляют сто тысяч крон, а само поместье в Нордхейме и складские ячейки в порту оценены всего в двенадцать тысяч?

Нотариус мелко моргнул, поправляя пенсне на переноси-

це: — Именно так, леди Вейн. Дом требует капитального ремонта, а коллекция артефактов вашего почившего супруга признана... нестабильной. Утилизационный сбор съест всю разницу. Старшая ветвь семьи берет на себя это бремя исключительно из уважения к памяти племянника.

— Из уважения к памяти, — кивнула я, пролистывая страницу к реестру залогов. — Тогда объясните мне, уважаемый юрист, почему в графе «Обязательства перед Короной» стоит казенная печать Тайной Канцелярии от третьего числа прошлого месяца, а передаточный акт на коллекцию в пользу леди Сесилии датирован вчерашним вечером? До того, как тело моего мужа остыло в соседней зале?

Сесилия подалась вперед так резко, что стеклярус на ее траурном платье сухо защелкал о столешницу. — Что ты несешь, неблагодарная девчонка?! У тебя жар после обморока!

— У меня прекрасное зрение, тетушка, — я холодно улыбнулась и со стуком захлопнула папку. — По вашим бумагам выходит, что вы забираете себе чистые активы и особняк по цене лома, а казенный долг по именному клейму, — я выразительно приподняла левое запястье с черной татуировкой, — остается висеть лично на мне, поскольку казначейские метки не передаются третьим лицам без визы дознавателя. Вы не выкупаете мой долг. Вы просто грабите покойника, оставляя меня расплачиваться по счетам.

В кабинете повисла густая, звенящая тишина, нарушае-

мая лишь потрескиванием догорающего фитиля в бронзовом шандале. Лицо мэтра Варга приобрело нездоровый землистый оттенок.

— Вы... вы не понимаете тонкостей имперского права, миледи, — выдавил он, делая попытку потянуть папку на себя, но я прижала ладонь к кожаному переплету. — Подпишите акт по-хорошему, иначе мы будем вынуждены вызвать экипаж долговой тюрьмы прямо сейчас.

— Не трудитесь вызывать экипаж, мэтр Варг. Кажется, ваши гости уже на пороге.

Нотариус дернулся так, словно за его спиной уже щелкнули казенные наручники, и затравленно покосился на высокое стрельчатое окно. Но за мутным стеклом лишь хлестал по карнизу колючий октябрьский дождь.

— Блефуешь, дрянь, — процедила леди Сесилия, хотя пальцы в черных митенках судорожно стиснули край столешницы. — Никого там нет.

— Пока нет, — охотно согласилась я, беря со стола аккуратно сложенный траурный платок из плотного батиста. — Но судя по тому, как задрожали колени мэтра Варга, перспектива встретиться с ревизорами Тайной Канцелярии радует его куда меньше, чем меня.

Через двойной слой ткани я подцепила двумя пальцами вороненое перо. Даже сквозь батист ощущалась мелкая, противная вибрация — словно я держала за брюшко крупного шершня. Багровая нить, тянущаяся от острия к сургучной

печати, натянулась, предвкушая контакт с кожей жертвы.

— Не смей портить казенный бланк! — взвизгнул Варг, подаваясь вперед.

Я проигнорировала его окрик, обмакнула кончик пера в чернильницу и с привычным изяществом поставила на пустом нижнем поле пергамента жирную аудиторскую галочку.

Раздался сухой змеиный шип. Капля чернил не впиталась в бумагу — она вспыхнула густым малиновым пламенем, в одно мгновение прожгла плотный гербовый лист насквозь и оставила на дубовой столешнице обугленную борозду глубиной в палец. По кабинету пополз тошнотворный запах паленой шерсти, меди и озона.

Варг с грохотом опрокинул стул, отскакивая к книжному шкафу. Я брезгливо бросила оплавившееся перо в хрустальную пепельницу.

— Кровный перехват третьей ступени, замаскированный под нотариальную визу, — спокойно резюмировала я, стряхивая с платка серый пепел. Память прежней хозяйки тела, которая в юности зубрила основы имперского права, работала как отличный справочник. — Стоило мне коснуться пера голой рукой и вывести первую букву имени, как заклинание выпило бы мой магический резерв досуха, спровоцировав мгновенный разрыв сердечной мышцы. В протоколе написали бы: «Безутешная вдова не перенесла горя». Сколько вам заплатили за этот фокус, мэтр Варг? Пятьсот крон? Тысячу?

— Это... это техническая ошибка! Бракованный артефакт из старой партии! — забормотал нотариус, промокая платком мгновенно взмокший лоб.

На моем языке тут же осела такая густая, удушливая горечь печной сажи, что мне пришлось сглотнуть. Врет. И врет отчаянно.

Но теперь, когда мое странное зрение полностью сфокусировалось на сумерках кабинета, багровый след от сгоревшего проклятия перестал застить мне глаза. Я посмотрела на нотариуса внимательнее — и замерла.

На бархатном лацкане его сюртука, прямо под воротником, слабо фосфоресцировали мельчайшие изумрудные искры, похожие на осевшую болотную пыльцу. Точно такой же зеленоватый туман тонким ободком светился на кружевном манжете леди Сесилии и... на пробке пузатого графина с портвейном, стоявшего на угловом столике у камина.

Картинка в голове сложилась со щелчком костяшек на бухгалтерских счетах.

— Значит, остановка сердца, — тихо произнесла я, переводя взгляд с графина на побелевшее лицо тетушки. — Доктор сказал, что лорд Эдвард скончался во сне от врожденной слабости сосудов. Вот только на вашем рукаве, дорогая родственница, и на сюртуке вашего подельника до сих пор фонит эфирный осадок «Бледного лотоса». Алхимический концентрат, который при смешивании с крепленым вином вызывает паралич дыхания через два часа после приема.

— Ты спятила! — голос Сесилии сорвался на хриплый фальцет. — У тебя белая горячка! Девчонка-пустышка без капли родового дара не может видеть эфирный осадок, его не всякий ищейка Канцелярии различит без линз!

— Можете считать это посмертным подарком вашего племянника, — я подтянула к себе пухлую кожаную папку с долговыми расписками и прижала ее к груди. — Итак, у нас в активе: предумышленное убийство главы рода Вейн, подлог финансовых документов и покушение на единственную наследницу первой очереди. По имперскому уложению это даже не рудники, господа. Это виселица на Соборной площади.

Лицо леди Сесилии исказилось. Вся ее аристократическая спесь слетела, как дешевая позолота, обнажив оскал загнанной в угол крысы.

— Ты не выйдешь из этой комнаты, маленькая тварь, — выдохнула она. — В этом доме постоянно случаются несчастные случаи. Старая проводка, утечка эфира в камине... Кто станет разбираться, от чего сгорела нищая вдова вместе с бумагами?

Она вскинула правую руку. Массивный перстень с мутным рубином на ее указательном пальце внезапно налился ослепительным рыжим светом.

Я увидела, как от камня в мою сторону выстрелила тугая, раскаленная добела нить направляющего вектора — за долю секунды до того, как сработало само боевое плетение. Инстинкты сработали быстрее мыслей. Я не пыталась изобра-

жать благородную даму: просто сгребла папку с гроссбухом и рыбкой нырнула с кресла на пол, откатившись за тяжелую дубовую тумбу письменного стола.

Грохнуло так, что зазвенели стекла в книжных шкафах.

Сгусток концентрированного пламени разнес резную спинку кресла, в котором я сидела мгновение назад, в дымящиеся щепки. В лицо ударило жаром и едкой гарью, на голову посыпалась мелкая древесная труха и обрывки подпаленной обивки.

— Живучая дрянь! — взревела Сесилия, обходя стол. Ее грузная тень накрыла меня, а рубин на перстне снова начал набирать густой, пульсирующий багрянец для добивающего удара. — Варг, запри двери!

Нотариус бросился к выходу, протягивая трясущуюся руку к бронзовому засову, а я, прижавшись спиной к горячему дереву тумбы, лихорадочно шарила свободной ладонью по полу в поисках тяжелого бронзового шандала.

Сесилия остановилась в двух шагах, направляя раскаленный камень прямо мне в лицо.

— Передавай привет Эдварду, дорогая.

Она сжала пальцы, активируя спуск артефакта, но удар так и не последовал.

Защитные руны на входных дверях кабинета вдруг взвыли на высокой, режущей уши ноте и вспыхнули холодным сапфировым сиянием. В следующую секунду раздался оглушительный треск ломающегося металла — массивные дубо-

вые створки вместе с замком и притолокой вынесло внутрь комнаты, отшвырнув визжащего нотариуса в угол.

В проеме, среди клубов морозного уличного пара, оседающей каменной пыли и искрящегося синего эфира, выросла высокая широкоплечая фигура в темно-синем мундире Тайной Канцелярии.

Человек на пороге даже не удостоил взглядом выбитые створки, хрустнувшие под его тяжелыми сапогами. Он просто сделал шаг вперед и коротко, почти лениво шевельнул пальцами в матовых перчатках из бугристой серой кожи.

Тень от разбитого дверного косяка мгновенно отделилась от пола, взметнулась черным стальным хлыстом и со звонким лязгом обвилась вокруг запястья леди Сесилии. Раскаленный рубин в ее перстне жалобно пискнул, пошел трещинами и потух, зажатый в тиски из сгустившегося мрака и металлической стружки.

— Боевое плетение в жилом секторе без санкции магистрата, — произнес незнакомец низким, ровным баритоном, от которого у нотариуса Варга в углу буквально застучали зубы. — Штраф двести крон или три месяца исправительных работ в доках. Добрый вечер, дамы.

За его спиной в кабинет бесшумно втекли трое оперативников в таких же темно-синих плащах с серебряными петлицами Тайной Канцелярии и взяли комнату в полукруг.

Я медленно поднялась из-за укрытия, придерживая одной рукой папку с гроссбухом, а другой — стряхивая с черной

траурной юбки дымящуюся дубовую щепу. Новый гость впечатлял. Высокий, подтянутый, с резкими чертами лица и узким белесым шрамом, рассекающим левую скулу. Вокруг его фигуры воздух буквально звенел от плотных, идеально скрученных нитей обсидианового и стального цвета — ни единой лишней утечки эфира, абсолютный контроль. Маркус Крейн. Старший дознаватель третьего отдела. Имя всплыло в памяти прежней Агаты вместе с липким животным ужасом, который покойный муж испытывал перед этим человеком.

Леди Сесилия сориентировалась со скоростью базарной воровки. Всхлипнув, она театрально осела на пол, баюкая перехваченную теневым жгутом руку.

— Господин дознаватель! Хвала Небесам, вы успели! — запричитала она, указывая на меня дрожащим подбородком. — Эта безумная девчонка... Она отказывалась передать документы казначейству, бросила поддельное заклятие в господина Варга и пыталась сжечь нас заживо! Я уверена, это она свела в могилу бедного Эдварда!

Во рту снова разлилась такая плотная горечь пепла, что я едва удержалась от гримасы.

— Какая трогательная импровизация, тетушка, — сухо заметила я, выходя на свет уцелевшего канделябра. — Жаль только, что обугленная спинка кресла находится за моей спиной, а не за вашей. Господин дознаватель, полагаю, счет за выбитые двери вы тоже включите в общую смету?

Маркус Крейн повернул голову в мою сторону. Его взгляд — тяжелый, цепкий, цвета холодной октябрьской воды в городском канале — скользнул по моей растрепанной прическе, задержался на кожаной папке, прижатой к груди, и опустился к левому запястью.

Он подошел вплотную, не обращая внимания на продолжающую голосить Сесилию. От его шинели пахло дождем, оружейным маслом и горькой полынью.

— Леди Агата Вейн, — констатировал он. Вместо приветствия его пальцы в грубой перчатке из кожи василиска перехватили мое запястье прямо поверх черной татуировки.

Под кожей мгновенно взорвался ледяной разряд. Клеймо должника вспыхнуло багровым светом, сверяясь с личной печатью дознавателя, и вгрызлось в вены тупой, выкручивающей болью. Я стиснула зубы так, что свело скулы, но не отвела взгляда и не издала ни звука.

В стальных глазах Крейна промелькнуло едва заметное удивление — видимо, обычно светские дамы на этом моменте падали в обморок или начинали умолять о пощаде.

— Долг активирован в полном объеме. Сто тысяч золотых крон с запретом на отчуждение имущества, — холодно отчеканил он, отпуская мою руку. — На смену дверей можете не тратиться, леди Вейн. С этой минуты особняк опечатан Короной. А вы задержаны.

— За неуплату по векселям покойного мужа? — приподняла я бровь, растирая онемевшее запястье. — По имперско-

му уложению у вдовы есть тридцать дней до описи активов.

— За убийство лорда Эдварда Вейна, — отрезал Крейн, доставая из-за пояса массивные браслеты из серого глушащего серебра. — Полчаса назад наш прозектор осмотрел тело в часовне. Ваш супруг умер не от сердечного приступа. В его крови нашли осадок запрещенного алхимического состава. И единственным человеком, имевшим доступ к его спальне этой ночью и прямой мотив избавиться от мужа-банкрота, были вы.

Леди Сесилия за спиной дознавателя победно всхлипнула, пряча торжествующую ухмылку в кружевах вуали.

Я не стала отступать, когда Крейн шагнул ко мне, раскрывая дужки кандалов. Вместо этого я посмотрела на его руки.

С такого расстояния мое новое зрение видело то, что надежно скрывали плотные перчатки из чешуи василиска. Под серой кожей на его ладонях и выше по предплечьям извивались густые, маслянисто-черные жгуты древнего проклятия, которые медленно, миллиметр за миллиметром, выжигали его собственные серебристые нити дара. И в этот же миг мой взгляд зацепился за столик у камина, где рядом с графином портвейна стояли *два* хрустальных бокала, а в раскрытом ежедневнике Эдварда на краю стола алела вчерашняя запись: *«23:00. К. Закрытие реестра»*.

Пазл сложился. Окончательно и бесповоротно.

Металлические браслеты сухо защелкнулись на моих запястьях, отсекая остатки тепла. Но прежде чем Крейн успел

отстраниться, я сама подалась вперед — так близко, что коснулась губами высокого воротника его мундира.

— Вы ошиблись в расчетах, господин старший дознаватель, — едва слышно прошептала я так, чтобы слова долетели только до него. — В графине у камина «Бледный лотос», смешанный с угольной вытяжкой. Для обычного человека вроде моего мужа это медленное удушье через два часа. А вот для мага тени с застарелым проклятием крови под перчатками — мгновенный паралич сердца с первого глотка.

Пальцы Крейна на цепочке моих наручников каменно замерли.

— Эдвард ждал вас вчера в одиннадцать вечера, чтобы передать черную кассу в обмен на списание долга, — добавила я, глядя прямо в его сузившиеся зрачки. — Вы опоздали на рандеву, а мой жадный супруг решил не пропадать дорогому вину и выпил из обоих бокалов. Так что сегодня в этом доме убивали не Эдварда Вейна. Убивали вас, Маркус Крейн. И человек, который подсыпал яд, прямо сейчас стоит в трех шагах за вашей спиной.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.